

УДК 8(с) (47)82.

Есикова Е.М.

Московский педагогический государственный университет

**ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЁК» В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ)**

E. Esikova

Moscow Pedagogical State University

**THE RETURN OF RUSSIAN LITERATURE
(PUBLICATIONS OF THE MAGAZINE "OGONYOK"
IN THE PERESTROYKA YEARS)**

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы формирования новой полистилистической культуры в период перестройки (1985 – 1991 гг.) и роль в этом процессе публикаций «возвращенной литературы» в журнале «Огонёк». Автор дает перечень основных писателей, чьи произведения печатались на страницах издания, и доказывает, что проблема «возвращенной литературы» в журнале активной демократической позиции формировала новые для современной журналистики рубрики и способы коммуникации с читателем, что делало русскую литературу одним из важных факторов изменения общественного сознания.

Ключевые слова: «Огонёк», перестройка, «возвращенная литература», читатель, коммуникация.

Abstract: . In the article the author studies the formation of a new polystylistic culture during the Perestroika period (1985 - 1991) and role of "returned literature" publications in magazine "Ogonyok" in that process. The author gives a list of major writers whose works were published on the pages of the edition, and proves that the problem of "returned literature" in the magazine with an active democratic position formed new to modern journalism columns and ways of communicating with the reader, making the Russian literature an important factor in changing public consciousness.

Key words: "Ogonyok", Perestroika, "returned literature", reader, communication.

Кардинальные перемены в политической организации общества, начавшиеся в России в 1985 году, принесли с собой долгожданную свободу слова. Утверждение атмосферы гласности стало первым и наиболее бесспорным достижением развернувшейся в стране перестройки. «Жить не по лжи» – этот призыв А. И. Солженицына стал девизом первых перестроечных лет.

В Советском Союзе культурная жизнь общества регламентировалась партийными идеологиями вплоть до строгой канонизации жанров и стилей. По мнению Л.Г. Ионина, она обладала признаками, позволяющими считать её типом монистической культуры — канонизацией форм культурных репрезентаций; тотализацией культуры, стремящейся стать универсальной интерпретационной схемой в обществе; исключением «чуждых» культурных элементов; упрощением посредством собственных терминов сложного социокультурного целого, сведением его к простому и понятному массам материалу; позитивностью, подтверждающей направленность культуры; телеологией, постулирующей общественные цели как жизненные цели каждого человека, что делает возможной их «трансляцию» в частные жизненные устремления каждого конкретного человека. «Трансформация этих категорий может во мно-

гом объяснить направление и перспективы сегодняшних социокультурных изменений в России» [1, с. 41].

Однако гибель любой идеологии всегда трагедия: вместе с ней разрушаются складывавшиеся на протяжении целого периода традиции, жизненные стили и формы. Как утверждает немецкий философ Ф.Тенбрук, при более внимательном наблюдении в этом кажущемся безумии усматривается своя логика – движение от моностилистической к полистилистической культуре [2, с. 19].

В современной России уже сложился полистилистический *деиерархизированный* тип культуры, в формировании которого участвовал журнал «Огонёк», в том числе и своими публикациями запрещенной ранее литературы. Он представлял своим читателям деканонизированные художественные тексты, отмеченные ослаблением жанровых границ и стилистическим экспериментом, как нереалистическая проза А. Платонова, сатирическая фантастика М. Булгакова и многие другие.

Несмотря на то что российское общество уже с петровского времени было особенно открыто новым стилям культуры (западным и восточным, современным и актуализированным из далёкого прошлого), в период перестройки особое значение для общественного сознания приобрела отечественная художественная литература, отправленная в небытие советским официозом. Собственный исторический и этико-эстетический опыт оказался не менее важен, чем документальная правда из открывшихся архивов.

«Толстые» литературно-художественные журналы стали трибунами и бесспорными интеллектуальными центрами в годы перестройки. Именно в литературе быстрее, в отличие от других форм общественного сознания, происходили радикальные перемены. На недолгий период резко возросли тиражи литературно-художественной периодики. Огромный общественный интерес был вызван открытым обсуждением ещё недавно «закрытых» тем и проблем, публикаций пре-

жде запрещённых произведений как классиков советского периода русской литературы (М. Горького, А. Ахматовой, А. Твардовского, Б. Пастернака, А. Платонова, М. Булгакова и др.), так и писателей русского зарубежья (И. Бунина, И. Шмелёва, В. Набокова, М. Алданова и др.).

Литературные публикации на страницах перестроечной периодики стали процессом, получившим название «возвращение литературы». Произведения русских писателей возвращались в другой общественно-психологический и эстетический контекст, нежели чем тот, в котором они создавались. Они воспринимались читателем и как факты истории литературы, и как живые явления литературы современной. «Котлован» и «Чевенгур» А. Платонова, «Собачье сердце» М. Булгакова, «Мы» Е. Замятина и многие другие «возвращённые» произведения прочитывались как свидетельские показания людей, оппозиционных тоталитарному режиму. В оценке этих произведений преобладали не эстетические, а исторические и нравственные критерии. Так, в ход шли категории «исторической правды», правдивости, восстановления справедливости. По понятным причинам читателей гораздо меньше занимали стилистическая сторона произведений и творческая уникальность их авторов. Принимая этот способ коммуникации художественного текста и читателя при первом контакте, «Огонёк» закладывал основы *детотализации* культуры, при которой от читателей не требуется обязательного единства восприятия.

Профиль и формат журнала «Огонёк» не позволяли ему соперничать в «возвращении литературы» с «Новым миром», «Знаменем» или «Дружбой народов» [6, с. 2]. Однако в общее дело ликвидации «белых пятен» в отечественной литературе внёс свой значительный вклад и он. Очевидно, что отбор возвращаемого литературного материала, характер его освещения и способ подачи были напрямую связаны с профилем и форматом журнала и, конечно же, определялись его общественно-политической платформой. Журнальные

подшивки за перестроечные годы наглядно свидетельствуют о том, что ставка делалась на имя, уголзрения задавался по преимуществу проблемой «художник и власть», формой подачи оказывалась презентация.

Одной из главных примет «Огонька» первых перестроечных лет стала постоянная рубрика, инициатором и бессменным ведущим которой стал поэт Евгений Евтушенко. Она называлась «Русская муза XX века». В течение всего 1987 года в журнале впервые печатались поэты советского периода, чьи имена были под запретом почти полвека: поэты Серебряного века, представители первой волны эмиграции, репрессированные советские поэты, погибшие на фронте представители «лейтенантской литературы», диссиденты 1960-х и 1970-х, наконец, культовые современные поэты и барды — Высоцкий, Галич, Окуджава, Шпаликов. Отдельная публикация была посвящена Иосифу Бродскому — ещё при жизни Нобелевского лауреата. Самая распространённая фраза в коротенькой биографии большинства возвращённых поэтов — «репрессирован в 30-е годы, место захоронения неизвестно». Большинство публикаций «Огонька» автоматически служило формальным поводом для посмертной реабилитации репрессированных деятелей искусств.

Особенное место занимают публикации, посвящённые Осипу Мандельштаму. Помимо Евтушенко, о нём в «Огоньке» пишет известный критик Бенедикт Сарнов: его публикация «Случай Мандельштама» (статья начинается с цитирования знаменитого «Мы живём, под собою не чуя страны...») впоследствии вошла в знаменитую одноименную книгу. «Я вообще-то писал эту книгу в стол, без надежды издать, — вспоминает Сарнов. — Но когда вёз рукопись в «Огонёк», страха уже не было. В России быстро ко всему привыкаешь» [4, с. 19].

Среди вновь «возвращённых» за 1989-1990 «Огоньком» авторов М. Горький, М. Булгаков, Е. Замятин, А. Платонов, М. Зощенко, И. Сельвинский, Н. Гумилёв, М. Во-

лошин, А. Ахматова, В. Маяковский, И. Бабель, Б. Савинков, В. Шкловский, В. Розанов, П. Романов, Н. Клюев, А. Соболев, Г. Оболдуев, И. Эренбург, К. Чуковский, В. Шаламов, А. Солженицын, В. Некрасов, А. Твардовский, Ф. Горенштейн, В. Аксёнов. Писатели становились героями разных журнальных рубрик. Каждая из них имела свой особый предмет. Рубрика «Хранить вечно» (ведущий В. Шенталинский) специализировалась на публикации рассекреченных архивных материалов. Среди них — судебные дела с протоколами допросов Н. Гумилёва, Н. Клюева, И. Бабеля, О. Мандельштама. «Огонёк» публикует и найденные в архивах рукописи репрессированных писателей, как например «тетради» Александры Берцинской [3, с. 25].

Рубрика «Поверх барьеров» (ведущий В. Ерофеев) ориентировалась на писателей-эмигрантов третьей волны, которым родина возвращала некогда отнятое у них гражданство. «Поверх барьеров», в оправдание своего названия, отказывалась от всяких «перегородок», в том числе эстетических: в её рамках находили место и «авангардист» В. Аксёнов, и реалист Ф. Горенштейн. В номере 1991 года В. Ерофеев заявляет: «В рубрику приглашаются писатели разных поколений, живущие у нас в стране. Барьеры существуют не только на границах, сколько в сознании» В этом же номере публикуется рассказ С. Довлатова [5, с. 12].

Так реализовалось важнейшее для полистилистической культуры *включение*, предполагающее максимум культурной толерантности.

Став «зеркалом перестройки», демократический и социально активный «Огонёк» не концентрировал внимания на первых ростках отечественного постмодернизма: с *ателеологией* и *негативностью* как чертами полистилистической культуры, предполагающими отрицание цели развития культуры и равнодушное неприятие реального социокультурного порядка, читатели столкнутся в конце 1990-х, когда журнал уже значительно изменил свой формат и не уделял прежнего внимания вопросам культуры.

Перестроечный «Огонёк» был либерально-демократическим органом, что отчётливо видно, в частности, и в отборе возвращаемой литературы, и в её подаче. Журнал проявлял интерес, прежде всего, к тем авторам, для кого духовная несвобода стала личной трагедией.

Журнал «Огонёк» с его авторитетом и внушительными тиражами внёс весомый вклад в процесс переоценки ценностей, в восстановление исторической правды и справедливости, в формирование полистилистической культуры демократического общества. Возвращение насильственно изъятых из истории отечественной литературы произведений, помимо собственно эстетического, имело огромное воспитательное значение. Журнал включал в процесс освоения нового, прежде неведомого литературного массива огромную читательскую аудиторию и тем способствовал её духовному росту. Наряду с

«толстыми» литературно-художественными журналами «Огонёк» участвовал в написании новой истории русской литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ионин Л.Г. Культура на переломе (механизмы и направление современного культурного развития в России) // Социологические исследования. – 1995. – № 2.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 2000. – 280 с.
3. «Огонёк», журнал, 23-30 марта, 1991. – №13.
4. «Огонёк», журнал, 8-15 декабря, 1990. – № 50.
5. «Огонёк», журнал, 12-19 января, 1991. – №3.
6. Фоминых Т. «Огонек» участвовал в написании новой истории русской литературы XX века» // «Огонёк» как зеркало перестройки: материалы круглого стола. – Интернет-журнал «Филолог», Пермский гос. пед. ун-т, – 2010. – Вып. № 11. [сайт]. [2010]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_212. (Дата обращения: 20.03.2011).